

В. В. ВОРОНОВ¹

НЕСКОЛЬКО ПИСЕМ В. Я. ПРОППА

Поскольку я давно собирался отдать в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН письма В. Я. Проппа ко мне, я должен дать некоторый комментарий к нашей с ним переписке.

Я учился на филологическом факультете ЛГУ в 1956–1961 гг., с третьего курса занимался в семинаре В. Я., писал курсовые и дипломную работу. После университета работал около 20 лет в школе учителем литературы. Моя небольшая переписка с В. Я. произошла в 1966–1969 гг., спустя пять лет после моего окончания университета. Поводом к этому стали мои поездки по Карелии и Архангельской области и незначительные записи фольклора, сделанные на любительском уровне. Ну а причиной моего обращения к В. Я. явилось желание поговорить с учителем, человеком и ученым, оказавшим влияние на мое отношение к научной работе, к народному творчеству и культуре, хотя я и не обнаружил в себе глубоких склонностей к научным занятиям ни в университете, ни после.

Я имею и передаю в ИРЛИ РАН всего четыре эпистолярных документа, которые представлю последовательно и дам пояснения².

1

4. 02. 66

Дорогой тов. Воронов! Спасибо Вам за весточку, и за снимки, и за то, что не забыли меня. Вы не пишете ничего о себе. Ваш старик, несомненно, интересен, и обломки <нрзб.> (тоже редких)

---

¹ Владимир Викторович Воронов — филолог, участник семинара В. Я. Проппа в 1958–1961 гг.

² Письма публикуются в соответствии с современными пунктуационными нормами. Фрагменты, подчеркнутые в оригинале, выделены курсивом. — *Ред.*

Главное здание Ленинградского государственного университета.
Вид со стороны Университетской наб.

о Святогоре тоже интересны. На встрече у О. Н. Гречиной мне очень понравилось Ваше пение. Всё это — фольклор, архитектура, древняя Русь — органически Ваше. С самым сердечным приветом.
Ваш Пропп

Текст написан на обороте вот этой фотографии и является ответом на мое письмо, которое, очевидно, не сохранилось. Я писал о своих впечатлениях от поездки по окрестностям Онежского озера, где в глухих деревнях мы любовались деревянной архитектурой. В одной из них очень старый дед пытался спеть что-то; я не помню о Святогоре, который упомянут в письме В. Я., но хорошо запомнился фрагмент исторической песни о Платове-казаче, которую он пересказывал, закончив с улыбкой: «Ты ворона, ты ворона, ты французская сова, не сумела казака Платова поймать». Встреча у О. Н. Гречиной была, вероятно, в первой половине 60-х, не помню ее состава и повода. Я действительно там спел песню, усвоенную мной в студенческие годы: «Течет речка по песочку».

Следующее письмо В. Я. — ответ на мое, написанное, вероятно, в 1966 г. (я не датировал), где он по порядку отвечает на мои вопросы (темы).

Ленинград, 13 янв. 1967 <г.>

Дорогой тов. Воронов! Ваше письмо меня очень порадовало. Вам хочется побеседовать. В беседе говорят двое, и поэтому я прежде всего отвечу Вам в том порядке, в каком вы пишете.

Вы пишете о моей сдержанности по отношению к студентам. Это не совсем так. Но верно то, что я избегаю подходить первый, не хочу как-то навязывать свою дружбу. Но есть такие, которые сами приходят ко мне, подолгу у меня сидят, расспрашивают меня о себе и о моей жизни, а не только о своей работе, а потом, по окончании университета, переписываются со мной. Таких у меня несколько человек. Вы ко мне не подходили, хотя, может, и хотели это. Вашим письмом вы подошли ко мне много лет спустя после того, как Вы окончили университет, и это меня порадовало очень.

Всё, что вы говорите о силе жизни и ее проявлениях, мне очень близко и понятно. Вы во *многом* видите *единое*, а это единое самое важное. Но я ученый, я прежде всего просто хочу познаний, тонких наблюдений и выводов. Поэтому мне не по пути с философами, в частности с Ницше, о котором Вы пишете. Его «Рождение трагедии» не выдерживает проверки фактами — не так родилась трагедия. Кроме того, как *человеческий* тип он мне крайне неприятен, мне чужда философия самоутверждения. Я, наоборот, глубоко преклоняюсь перед Кантом, Гегелем и Шеллингом в их мятежном и строгом искании правды. Вы правильно угадали и человеческую суть моих трудов. В них есть скрытая, сдвленная эмоциональность, эмоциональность мысли, какая бывает у математиков и шахматистов. Я очень счастлив тем, что мои работы ценятся математиками, есть такие, которые беседовали со мной о точности методов. Да, в науке я люблю точность и последовательность. А кроме того, я просто люблю жизнь во всех ее проявлениях, в детях, в смешном, в смелом и в мужественном, а не только в мысли. Кроме того, люблю музыку. Когда мы встретились у О. Н. Гречиной, Вы меня поразили тем, как правильно и выразительно Вы пели, воспроизводя народный напев.

Вот я Вам ответил на всё, о чем Вы писали. Поневоле стал писать о себе — это не очень интересно. Вы о себе ничего не пишете. Всего Вам лучшего.

Ваш Пропп

В третьем письме В. Я. реагирует на мои впечатления от поездки по р. Онеге и на мои (увы, не слишком профессиональные) записи фольклора в д. Нижмозеро Архангельской области. Стоит привести здесь мое письмо и пояснение к нему.

Осень 1967 г.

Уважаемый Владимир Яковлевич! Очень прошу извинить меня. По своей невнимательности и неряшливости собираюсь слишком долго с письмами. Я давно хочу рассказать Вам о поездке на Север этим летом. Рассказать можно бы и о многом другом (о беседе с Майей Чередниковой, которую недавно видел, о Ваших и не Ваших работах), но в письме это не получается.

Так вот. Ездили мы нынче по Онеге-реке от ее среднего течения, через Усть-Кожу, через Онегу, до Белого моря, а потом по Белому морю через дер. Тамица, Кянды, Нижмозеро. Это всё известные фольклорные места, и Вы, вероятно, их знаете. В последней из этих деревень шесть или семь старух пели нам виноградьё (два разных), хороводную «Утоцьку», какие-то длинные любовные песни. Я впервые слышал живое и мастерское исполнение. Они пели на четыре голоса, очень сложно и очень красиво в отношении гармонии. Я записал слова, но что в них толку! Нужен магнитофон. Я говорил с московскими студентами. Они делают записи, но всё это лежит, и неизвестно, когда будет в работе. Мне, с одной стороны, жаль моих кустарных поездок: хотелось бы сохранить и как следует записать всё. С другой стороны, живое общение и переживание, впитывание во время белой ночи этой дивной гармонии и шатание по рекам, лесам, озерам, сон на жестком полу, и чай, и взгляды старых женщин — всё это едва ли не важнее, потому что организовано и без меня записывают. А я мог бы немного лишь сделать.

Эти бабки загадывали нам и загадки, и начали с неприличных. Я знаю, что Вас интересует это запретная часть фольклора, и именно тем, по-видимому, что она уходит к каким-то очень древним представлениям. Если хотите, я пришлю Вам загадки в следующем письме. А сейчас посылаю фото двух, самых активных, старушек. На отдельном листке слова пляски «Уточка». Они меня учили ее плясать! Всего Вам доброго, здоровья, «трудов и мирных нег»!

Воронов

Дополню. Эти женщины начали загадки с самой «неприличной»: *У вдовки, у сиротки загорелось в сердёдке, а у доброго молодца закапало с конца*. И самое интересное, что я ее отгадал: на столе стоял самовар — это и есть отгадка. Пикантность ситуации была и в том, что я был в компании с моим школьным учителем и его юными учениками.

3

20. 12. 1967

Дорогой тов. Воронов! Только сейчас дошла очередь до записанных Вами песен. У меня затор рукописей, на которые надо

отозваться, и этим объясняется задержка. Вы меня, пожалуйста, простите. В числе ваших песен есть замечательные, как «Уточка», — просто классическая вещь, которую читаешь с непрерывным наслаждением. Жаль, что Вы не имели возможности записать полностью всё, что Ваши бабки знали. Оформлена рукопись как надо, ее хоть сейчас можно сдавать в архив Пушкинского Дома, где уже имеется множество записей наших студентов. Уполномочиваете Вы меня на это? Без Вашего указания я сдавать рукопись не буду, буду ее пока хранить у себя.

Жаль, что Вы имели так мало времени и не могли проверить, дополнить и поновить материал. Если будет возможность, стоило бы посвятить вашим старушкам несколько спокойных дней. По фотографии старушки очень характерные.

С приветом.

Ваш Пропп

Последнее, четвертое, письмо В. Я. — ответ на мое, видимо, утешительное. Оно написано в последний год его жизни и представляет особенный интерес: он кратко, но значительно замечает о системе планирования и ограничении свободы в творческой, научной работе в условиях университета. В письме также заметно минорное настроение В. Я. в это время.

4

13. 10. 69

Дорогой тов. Воронов! С Вашим письмом на меня нахлынули воспоминания. Я по состоянию здоровья ушел из университета и теперь иногда предаюсь воспоминаниям. Годы, когда Вы учились, были хорошее время.

Вы спрашиваете, кто еще занимался вопросами структуры и происхождением сказки. Занимались много в Европе и Америке, но нам с ними не по пути. А у нас этим занимались структуралисты, о чем Вы можете судить по статье Мелетинского в моей книге. Сам же я сейчас занимаюсь совсем другими вопросами.

Я понимаю, что работа в школе Вас полностью не удовлетворяет. И все же это лучше многих других профессий и занятий, не затрагивающих душу. Я всю жизнь был преподавателем, сперва в школе (в это время по ночам и на каникулах писал «Морфологию»), а потом в университете. Был научным сотрудником и писал работы по планам свыше и по указке — тоже не очень большое счастье. Совсем свободен я только сейчас, вышедши на пенсию. Некоторая доля несвободы присуща всем на свете, и в конечном итоге это и не так плохо.

Спасибо Вам за добрую обо мне память. Меня это очень радует и поддерживает.

Ваш В. Пропп

Следует, вероятно, дополнить этот комментарий некоторыми воспоминаниями о времени моей учебы и занятий в семинаре В. Я., куда меня завлек Юра Юдин, мой самый близкий товарищ студенческой поры и впоследствии аспирант В. Я. и ученый-фольклорист. К сожалению, плохо помню занятия в семинаре, о них хорошо написала Майя Чередникова, тоже ученица В. Я., крупный специалист по детскому фольклору. Помню комический эпизод с немецкой аспиранткой, посещавшей в это время наш семинар, когда она, очень приятная девушка, прочитала в своем сообщении милым голосом с мягким акцентом такую вот частушку: *Я любила гада, уважала гада, а у него, у гада, целая бригада*. Этот контраст облика докладчика и грубости частушки вызвал веселый смех аудитории, конечно, и В. Я. улыбался вместе со всеми.

Сказать прямо, я не был способным и прилежным учеником В. Я. Я писал под его руководством две работы: Баллада о Василии и Софье; Предания о Петре 1 (курсовая и дипломная). Увы, я ничего не понял в специфике фольклора, рассматривал его феномены как литературные. Впрочем, этот подход, как я потом уяснял, был распространен в советской фольклористике, и В. Я. был один из тех, кто занимался изучением поэтики фольклора, его отношения к действительности. Именно поэтому его работы были подвергнуты критике в 30–40 гг., его обвиняли в формализме, что, вероятно, осложняло, мягко сказать, его жизнь и научную деятельность. Этим, мне кажется, объясняется заметная сдержанность В. Я. в контактах со студентами, о чем я пишу ему в одном из писем и что отмечали, впрочем, и другие его собеседники. Вот ничего этого о сложности его творческого пути я не знал во время занятий в его семинаре.

Удивляюсь и сожалею, что, работая над своими темами, я так мало прочитал научных источников, в том числе доступных тогда работ В. Я. о поэтике фольклора. И, к сожалению, не помню обсуждения этих проблем на семинаре, не могу утверждать, что этого не было, скорее всего что-то звучало, но я не вник, не услышал. Увы, я не понял и прямого указания В. Я. на полях моей дипломной работы: «Будет не столько идейный анализ, сколько способ осмысления исторической действительности». В итоге я написал о преданиях и сказках о Петре Первом какую-то ерунду, что при рецензии Г. П. Макогонко было, вопреки справедливости, оценено на «отлично» (стыдно вспомнить). Стоит заметить, что с этой темой — народная историческая проза, в том числе предания о Петре, — прекрасно справилась моя однокурсница Нила Криничная, которая занималась в том же семинаре В. Я. и в дальнейшем стала крупнейшим специалистом по этой проблематике.

Несмотря на мои слабые академические успехи или вопреки им, мне все время хотелось поговорить с В. Я., но не о фольклоре,

а на метафизические темы, что я пытался сделать во время консультаций у него на квартире и позже в переписке с ним. Однако это не получалось — вероятно, потому, что я толком не мог поставить вопрос, поддержать беседу, а также потому, что В. Я. предпочитал говорить предметно и конкретно, как это ему, академическому ученому, свойственно, о чем он и замечает в одном из писем ко мне. Тем не менее даже такое неблизкое знакомство с В. Я., ученым мирового значения, обогащало меня, равно как и чтение его работ, особенно уже после университета, помогло многое понять в науке, и в фольклоре в частности. Видимо, я не единственный ценю в работах В. Я. такие особенности его исследований: строгую логику, доказательность и убедительность, точность мысли и в то же время наличие неявно выраженного, но вполне внятного эмоционального восприятия и отношения к предмету исследования, ощущение драматизма научного поиска.

Очевидно все же, что внутренняя значительность, глубина личности В. Я. притягивала к нему и оставила важный след в моей жизни: я неоднократно, работая учителем в школе, использовал мои неглубокие знания о фольклоре и по возможности делал записи. Так, путешествуя по центральной России со своими учениками, в Спасском-Лутовиново я записал несколько песен от местных женщин. Они сказали, что при жизни Тургенева крестьянки встречали его величальными песнями из свадебного обряда, вставляя его имя на место имени жениха. Мои десятиклассники впервые слышали живую народную песню. Одна из них, самая пожилая, говорила, что Тургенев в ответ на эти приветственные песни одаривал крестьянок чем-нибудь, кого платком, кого пряником, и у них в семье, по ее словам, в 20-е гг. букварь, подарок Тургенева, окончательно порвался.

Получив от В. Я., так сказать, прививку фольклора, я делал записи в 1977–1979 гг. в составе археографических экспедиций МГУ в южных регионах России.

И два слова о себе в качестве справки. Проработав (очень горячо и успешно) около двадцати лет в школе, я все же «перегрелся» и ушел в педагогический институт, где, получив кандидатскую степень по педагогике, преподавал педагогические дисциплины еще почти сорок лет (тоже не без успеха). Кстати, некоторые студенты исторического факультета, узнав, что я учился у В. Я., смотрели на меня большими глазами и просили рассказать о нем.